

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ПЕТРОСКАНДИКА»

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

**Северо-Запад России
Славяне и финны**

Под редакцией А.С.Герда и Г.С.Лебедева

K III 1324932

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

О ГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (А. С. Герд, Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	5
Введение (А. С. Герд, С.-Петербург)	8

Древняя Финноскандия

Древнейшее население Финноскандии (В. Я. Шумкин, С.-Петербург)	17
--	----

Верхнее Поднепровье, Подвина и Верхняя Русь как древнейшие зоны славяно-финского взаимодействия

Днепро-Двинская историко-культурная зона по данным археологии (В. А. Булкин, С.-Петербург)	25
--	----

Верхняя Русь по данным археологии и древней истории (Г. С. Лебедев, С.-Петербург)	31
---	----

Верхняя Русь в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург)	59
--	----

История расселения на территории Верхней Руси (А. А. Селин, С.-Петербург)	72
---	----

Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. (А. А. Селин, С.-Петербург)	86
---	----

Верхняя Русь по данным этнографии (И. И. Шангина, Т. А. Зимина, С.-Петербург)	100
---	-----

Культура вокальных мелодий-сигналов (лесных кличей) на Северо-Западе России (М. А. Лобанов, С.-Петербург)	120
--	-----

Некоторые музыкально-фольклорные ареалы и границы Верхней Руси (В. А. Лапин, С.-Петербург)	132
--	-----

Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвина (А. А. Гаджиева, С.-Петербург)	139
--	-----

Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук (О. И. Конькова, С.-Петербург)	188
--	-----

Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников (В. А. Назаренко, А. А. Селин, С.-Петербург)	232
--	-----

Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания (И. Муллонен, Петрозаводск)	248
---	-----

Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	252
--	-----

Приладожская Карелия

История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. (А. И. Сакса, С.-Петербург)	257
---	-----

Валаамский и Коневский (Коневецкий) монастыри (Л. Сиилин, Йоэнсуу, Финляндия)	272
---	-----

Приладожская Карелия по данным этнографии (К. Хейкинен, Йоэнсуу, Финляндия)	292
---	-----

Проблема выделения ареала Приладожской зоны (Карельское Приладожье, Приладожская пограничная Карелия) (А. С. Герд, С.-Петербург)	299
Обонежье	
Археологические культуры Прионежья от эпохи неолита до средневековья (А. М. Спиридовов, Петрозаводск)	303
Прионежье: этническая история ареала (И. Ю. Винокурова, Петрозаводск)	310
Основные моменты монастырской колонизации Прионежья (Т. П. Дмитриева (Амелина), Петрозаводск)	325
Этнолингвистическая история Обонежья (И. Муллонен, Петрозаводск)	332
Обонежье в свете данных русистики (А. С. Герд, С.-Петербург)	349
Административно-территориальные границы Обонежья в эпоху средневековья (А. М. Спиридовов, Петрозаводск)	352
Этническая история Восточного Обонежья и «этнографического» Заонежья (К. К. Логинов, Петрозаводск)	360
Основные и «малые» этнографические зоны Заонежья XIX — начала XX в. (К. К. Логинов, Петрозаводск)	370
Историко-культурное зонирование Юго-Западной Карелии по архитектурным данным (В. П. Орфинский, И. Е. Гришина, Петрозаводск)	375
Северное Обонежье в свете данных этномузиковедения (Т. В. Краснопольская, Петрозаводск)	390
Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	409
Ярославско-Костромское Поволжье	
Археология и древняя история Ярославско-Костромского Поволжья (В. Н. Седых, С.-Петербург)	419
Субстратная топонимия Ярославского Поволжья (А. Алквист, Хельсинки, Финляндия)	436
Диалектное членение Ярославской и Костромской областей в свете данных русистики (М. М. Кондратенко, Ярославль)	468
Ярославско-Костромской край по данным этнографии (И. И. Шангина, С.-Петербург)	477
Исторические границы и ареалы на территории Ярославско-Костромского Поволжья по данным разных гуманитарных наук (А. С. Герд, С.-Петербург)	495
Древние и современные антропологические типы	
Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Финноскандии (В. И. Хартанович, С.-Петербург)	499

ОСНОВНЫЕ И «МАЛЫЕ» ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗОНЫ ЗАОНЕЖЬЯ XIX — НАЧАЛА XX в.

Заонежане в XIX — начале XX в. представляли собой одну из «локальных» (вместе с поморами, выгозерами, даниловцами и водлозерами) групп русских Олонецкой губернии. Помимо этнических черт (локальная территория, особый говор, самосознание и самоназвание) заонежан среди русских выделяло также этнографическое своеобразие в культуре и быте, осознаваемое как самими заонежанами, так и их соседями. В качестве этноконсолидирующих признаков, сплачивающих заонежан в единую группу, наши информанты называли такие признаки материальной культуры, как обязательность трех окон по фасадной стене дома, «заонежский» тип наличников, местные формы и тип росписи прялок и выездных дуг, ношение заонежанками специфического кроя воротников-«саков» и женских повойников и т. д. Тем не менее, внутреннее этнокультурное единство заонежан было относительным. Оно проявлялось лишь в сравнении с окружающей этнической средой. При детальном исследовании этнографии Заонежья на его территории выделяются несколько основных и «малых» этнокультурных зон. Сложение таких зон было обусловлено историей формирования заонежан в единую группу, спецификой внутренних и внешних (по отношению к Заонежью) культурных связей. Культурная неоднородность, по-видимому, характерна и для других локальных групп Олонецкой губернии, которые еще слабо изучены.

На рис. 1, 2 отчетливо видно, что исторически тяготевшая к Заонежскому полуострову д. Пегрема (что прослеживается, начиная с археологических культур мезолита–неолита [Журавлев 1994]), не относящаяся географически к Заонежью, заселена заонежанами. Наоборот, крайний северо-запад Заонежского полуострова, очень долго не заселявшийся, занят не заонежанами, а унитанами. Уница, хотя и была основана (в XVIII в.) выходцами с Кижей, а округа ее говорила на русском языке, всегда противопоставляла себя заонежанам. Это явилось следствием большого и достаточно позднего (вторая половина XVIII — XIX в.) притока сюда северозерских и медвежьегорских карел. Район же Челмужей, об этническом родстве населения которого с древними шуньганами, толвуянями и кузаранами говорилось при описании этнической истории Заонежья и Восточного Обонежья в настоящей книге, сохраняло близкое культурное родство с Заонежьем.

Кроме основных и «малых» этнокультурных зон на карте отображено проживание в Заонежье карел и «чуди», т. е. веся (согласно переписи населения 1869–1873 гг.) (см. рис. 1, 2).

Основных зон две. Самая обширная зона Заонежья — это территория бытования киже-шуньгского говора. С нею приблизительно совпадает ареал распространения «ильменско-беломорского» антропологического типа [Витов 1964], генетически связанного с выходцами из новгородских и псковских земель. Вторая зона — это территория бытования толвуйского говора, с которым совпадал ареал «атланто-балтийского» антропологического типа. В последнем наблюдается несколько повышенная удельная концентрация «лаппоно-идных» черт. Вывод же о наиболее высоком удельном весе финно-угорского пласта в культуре именно жителей Толвуйской волости на уровне этнографии сделать трудно.

Киже-шуньгский ареал волостной границей делится на две части: Шуньгскую и Кижскую. Толвуйский примерно соответствует Толвуйской волости. Каждая из них

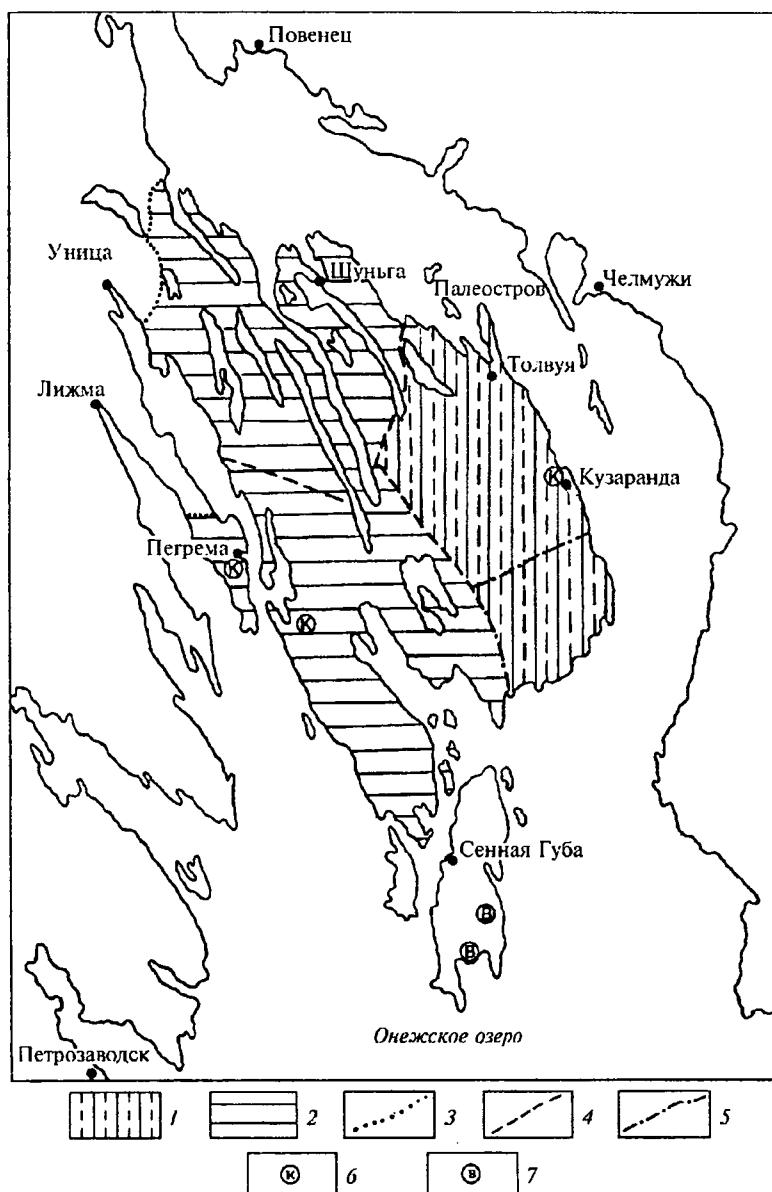

Рис. 1. Основные этнокультурные зоны Заонежья.

1 — ареал бытования толвуйского говора и «атланто-балтийского» (по М. В. Витову) антропологического типа; 2 — ареалы бытования кижи-шуньгского говора и «ильменско-беломорского» (по М. В. Витову) антропологического типа; 3 — сухопутная граница между территориями расселения заонежан с карелами и уничанами; 4 — сухопутные границы между волостями по реформе 1791 г.; 5 — сухопутные границы волостей, выделенных в 1908 г. (Сенногубской) и в 1913 г. (Типиницкой); 6 — места фиксации «обруселых карель» переписью 1879 г.; 7 — места фиксации «обруселой чуди» переписью 1879 г.

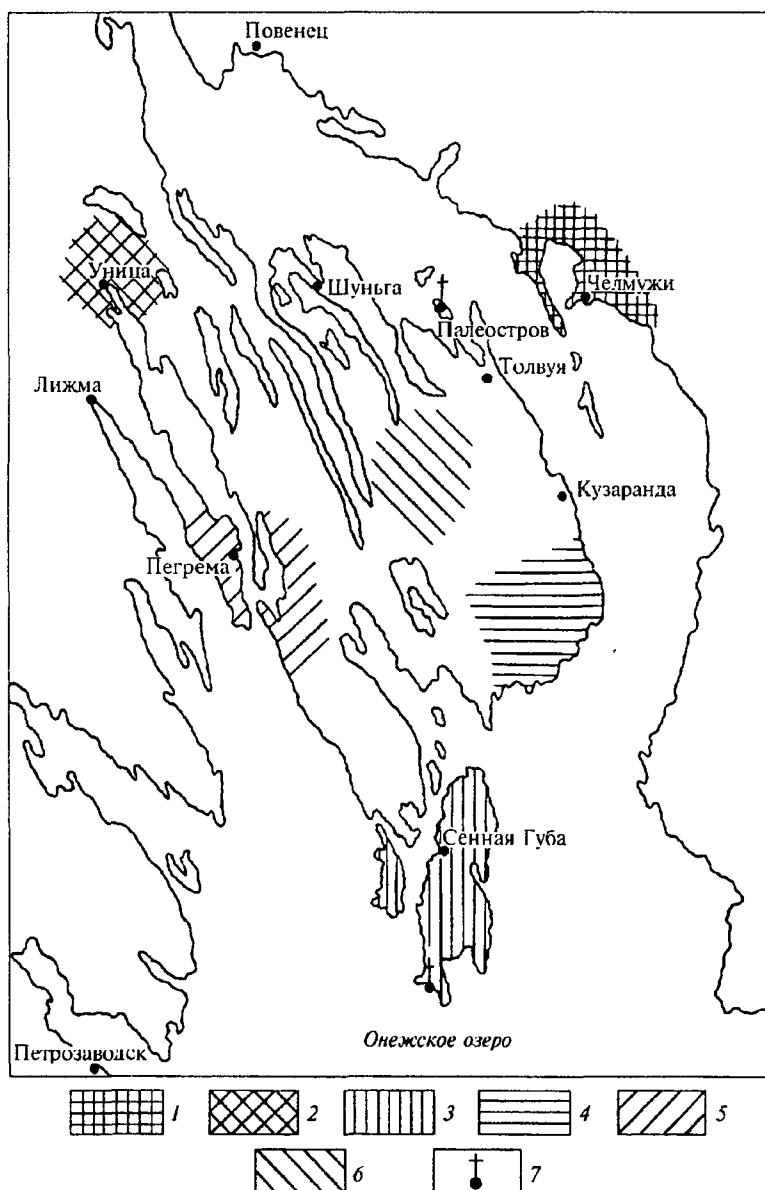

Рис. 2. Малые этнокультурные зоны Заонежья.

1 — территория расселения челмужан, 2 — территория расселения уничан, 3 — Сенногубская малая этнографическая зона I, 4 — Типиницко-Тамбицкая малая этнографическая зона II, 5 — Вегорукско-Ламбасрученская малая этнографическая зона III, 6 — Центрально-Заонежская малая этнографическая зона IV, 7 — монастыри (Клемецкий и Палеостровский).

представляла собой достаточно самостоятельную культурную зону. Это прослеживается, например, по одному из наиболее стабильных признаков этнографического уровня любого земледельческого народа Европы — способам укладки снопов для предварительной просушки в поле. В Шуньгской волости их ставили в «груды», «бараны» и «нартаяи»; в Толвуйской волости — в «нарты», «мяртеги» и «няртежки»; в Кижской (с 1890 г. Великогубской) — в «бараны», «кучки» и «няртяги». При этом Шуньгская и Кижская волости были ближе друг другу в культурном отношении. Например, в Шуньгской и Великогубской волостях охотники применяли сходные медвежьи кряжи, а в Толвуйской ловушку шемицу. Шуньга и Великая Губа являлись центрами заонежского огородничества, а Толвуя — центром коневодства и т. д.

Имеются, однако, факты, противоречащие предполагаемому существованию трех зон, когда Северное Заонежье (Шуньгская волость) и Южное Заонежье (Кижская волость) противопоставлялись бы в культурном отношении Восточному Заонежью (Толвуйской волости). В Южном и Восточном Заонежье, например, бытовало ритуальное похищение «кабуш» в период петровской недели, давно исчезнувшее в Северном. В торгово-промышленных отношениях Шуньга тоже резко противопоставлялась восточной и южной частям Заонежья.

На общем «этнографическом поле» Заонежья малые этнографические зоны выделялись довольно рельефно.

Так, только в районе Сennой Губы и на Малом Леликовском острове (см. рис. 2, штриховка 3) принято было в быту ношение лаптей. Здесь же отмечалось ношение женщинами веревочных туфлей-«тюнсей», а пастухами — берестяных сапог, неизвестных на остальной территории обитания заонежан. Бедно орнаментированные жилища Большого Леликовского острова представляют также резкий контраст с общезаонежскими традициями. Мельницы-ветряки на этом острове делались с четырьмя, а не с восемью, как повсеместно в Заонежье, крыльями. Только в данном районе зафиксирован обычай ритуального заклания жертвенного барана по случаю массового падежа овец. Концентрация указанных элементов в округе Сennой Губы и на Малом Леликовском острове может быть объяснена принесением их сюда переселенцами из других регионов России, осевших в этих местах в XVIII — первой половине XIX в. Основной контингент переселенцев составляли беглые (скрывающиеся от рекрутской службы) и ссыльные. Последние поселялись иногда с семьями, что позволяет объяснить также и феномен возникновения здесь узорного тканья, не свойственного в целом культуре заонежан. Число семей ссыльных в отдельных деревнях Большого Клименецкого острова, как известно из архивных источников, превышало иногда численность семей коренного населения.

Еще большим своеобразием на общем фоне традиционно-бытовой культуры заонежан выглядит округа Типиниц-Тамбиц (см. рис. 2, штриховка 4). Происхождение части своеобразных элементов объясняется привнесением новых традиций русскими переселенцами XVIII–XIX вв. Это касается, прежде всего, узорного тканья, однозубой сохи для распахивания подсеки, колодцев с журавлем, пришивных капюшонов на дорожных армяках, использования в качестве оберегов на первый выгон скота лопатки для углей или печной заслонки. Исключительно местной, из округи Типиниц-Тамбиц, является терминология, связанная с выжиганием подсеки («сега», «чилик», «ламббинье»). Она имеет прибалтийско-финскую, а не славянскую основу. То же самое будет справедливо и в отношении названия бытовавшей только здесь сетной ставной ловушки «курты». Местный обычай поливать водою подсеку, а также людей, участвующих в ее выжигании, имеют свои аналогии, скорее, в культуре вепсов Прионежья, чем славян. Трудно назвать славянской традицией также запрет убивать лосей или обычай совершать обход стад при первом выгоне скота со шкурою.

Этнографическое своеобразие традиционной культуры населения в окрестностях Сенной Губы и Типиниц-Тамбиц было, по-видимому, лишь одной из составляющих той социально-культурной ситуации, которая сложилась в этих районах Заонежья к началу XX в. и привела к их обособлению в 1908–1911 гг. в самостоятельные административные единицы (Сенногубская и Типиницкая волости).

В культурном отношении выделялось также население района Вегоруксы и Ламбасручья (см. рис. 2, штриховка 5). В этой зоне бытовали: особый, «с черной курицей», отпуск скота, особые охотничьи ловушки («ямный» лавас, пасть из камней на боровую дичь), особая расцветка некоторых деталей свадебного наряда невесты, особая конструкция настила взвоза на сарай и др. Брачные (а следовательно, культурные и хозяйственные) связи населения данного района, как отмечалось, ориентировались на кондопожскую группу карел.

Свообразием, правда, не столь приметным, выделялась и центральная часть Заонежья (см. рис. 2, штриховка 6). Здесь роль рыболовства была очень невелика ввиду отсутствия крупных водоемов; зато повышалось значение охоты. Не случайно только в Центральном Заонежье бытговала специфическая «заонежская пасть» на боровую дичь и ловушки на волков и лис из поставленных по кругу вертикально кольев. Еще удивительнее, что в центральной части полуострова не была известна рыбачкая острога. Щук здесь ловили волосяной или металлической петлей либо специальным крюком, подцепляя за жабры или туловище. Видимо, население, проникавшее сюда с XVII в., пришло не с побережий, а откуда-то извне Заонежья. Дома здесь тоже выглядят несколько иначе. Например, практически отсутствуют классические наличники в стиле барокко и ампир, но чаще, чем в других местах, встречаются «дачные мотивы» либо оконные проемы вообще лишены резных украшений.

Таким образом, можно утверждать, что события из этнического и исторического прошлого обладают большой инсерцией и способны очень долго проявляться даже в такой, казалось бы единой, культурной провинции Русской Карелии, как Заонежье.

Литература

- Витов 1964 — Витов М. В. Антропологические данные как исторический источник // История СССР. 1964. № 6.*
Журавлев 1994 — Журавлев А. П. Археологические памятники Заонежья // Кижский вестник. Вып. 4. Петрозаводск, 1994.